

Книга вторая

ТЫКВА НА ЯБЛОНЬКЕ

Рассказы

тоже для младших

НА ПЕВЧЕЙ ГОРЕ

Жила-была Ласточка в своем гнезде, на Певчей горе, а Певчая гора была на крутом откосе, а крутой откос находился в городе Новосиле. Городок-то маленький, но очень гордился тем, что он ровесник Москвы и даже на год старше ее, по летописям с 1146 года. Как и соседний Мценск. Так вот, гнездо этой ласточки находилось на самой макушке Певчей горы. Ласточка свила гнездо себе над среднерусской рекой Зушей, под покровом куста бузины. И тоже очень гордилась тем, что живет так высоко и что красивее ничего поблизости не растет. Люди могут подходить к самому краю откоса и любоваться восходом Солнца.

Чуть ниже, в самом откосе, ветры просверлили в камне-песчанике дыры, в них жили стрижи. А стрижи - это такие же ласточки, тоже в черно-белом изображении, но только крылья у них покороче. И взлетают обычно они не с земли, а из своего гнезда на откосе, бросаются в воздух, и сразу в полет.

Вот и сейчас носятся эти стрижи по реке Зуше, мимо Ласточкиного гнезда, и кричат, так вопят, прямо из себя выходят. Зависнет какой-нибудь стриж в воздухе, возьмет и похвалится Ласточке:

— Гора наша называется Певчей. Так это название от наших стрижиных гнезд. Только мы вылетим из своих дыр в откосе, как ветры к нам туда и заберутся, засвистят, загремят, как в пустую бочку. И тогда получается гром, гремит вся Гора, а потом успокоится и поет тихо-тихо. Потому и называется Певчей.

В другой раз стрижи возьми и закончи Ласточке свою прежнюю мысль такими словами:

- Мы и в грозу летаем по речке, гремим тут вместе с Горой. Одни такие мы с ней тут на все Заречье, на весь белый свет. Ничего не боимся, мы храбрые птицы, если что - смело бросаемся вниз с любой высоты.

Однако как рассядутся стрижи по своим дыркам на откосе, так Певчая гора петь перестает. И тишина стоит тогда, аж в ухе сверлит. Ласточка из своего Ласточкиного гнезда глядит на стрижей выразительно, говорит:

- Вы, стрижи, дыры собой закрываете, вот Певчая гора и молчит, не поет. А тут пройдут к самому краю откоса люди - новосильские жители, постоят - постоят, поглядят - поглядят на окрестности, на Восходящее Солнце да и кликнут:

- И Красота же какая!

Возьмут и запоют. А с ними запоют все окрестности. На всю страну запоют, на всю матушку Русь. Вон в Заречье есть такое местечко, где белый домик когда-то виден был издалека. Так в домике том родился замечательный певческий голос - Иван Букреев. А был он солистом сначала в хоре Балтийского флота, затем в знаменитом Краснознаменном Ансамбле. А пониже, по той реке Зуше, стоял другой белый домик. В нем родился Владимир Нечаев - тоже тенор, так тот был солистом Всероссийского радио...

Вот какие мы - песенники, вот какие мы - ласточки, вот какие мы острокрылые птицы. Вроде похожи на вас, стрижи, а ведь мы с вами разные Люди поют тут с нами, а с нами вместе поет вся Гора. Очень разные птицы мы, очень даже певчие с Заречьем почти наравне. От нас потому Гора и называется Певчей. А если бы называлась от вас, стрижей, то тогда бы

она называлась Стрижиной и была бы не певчей.

И тут подошел к Ласточкиному гнезду Человек. Глянул с откоса на Восходящее Солнце:

- В самом деле, И какая же Красота!

И запел с большим удовольствием. Стрижи повылетали из дыр своих, чтобы взглянуть на поющего человека. Впервые ведь видят такого среди людей, больше скорбящих от переживаний. И как только вылетели стрижи из своего гнезда, так дыры в откосе стали свободными. И сама по себе на ветру опять запела Гора. И поет, поет теперь вместе со всем Заречьем, со всей своей страной. Вот почему она называется Певчей. От ласточек, из-за которых поет Человек.

А на самом верху Горы - тут в Новосиле, а хоть где-то во Мценске или в Крыму, пусть и не всегда высоко эти дыры на откосе, зато всегда на ветру. Вот как тут прилепилось к горе, живет и здравствует Ласточкино гнездо.

Поглядят, поглядят люди на Гору да и поймут, что поют-то, оказывается, не оттого-то, что закрывают во флейте отверстия, а оттого, что отверстия эти свободны. Так и поет на ветру, как флейта, глядя в глаза людям. Ласточкина эта, Певчая эта гора.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

А это рассказ тоже про Ласточкино гнездо, но где? Не на бузиновом кусте, как в прошлый раз, а в самом неожиданном месте, у всех на виду; на железнодорожном вокзале. «Ну, и как это получилось?» - сидел и размышлял я, ожидая электричку на станции Малоархангельск. И если бы это был единственный случай, когда я сидел и ждал электричку на Орел или на Курск, размышляя: куда ехать? Туда и сюда - ровно по семьдесят пять километров. Как будто кто-то взял коврижку хлеба и разрезал ее пополам. Уж не говорю я еще и о том, что станцию когда-то отнесли за город на тринадцать километров, сделав порядочный крюк, вместо того, чтобы провести железную дорогу по окраине Малого города.

— «Ага, - догадается каждый, посидев с мое тут на станции Малоархангельск. - Это чтобы битву, которая разразилась тут в прошлом веке, в сорок третьем году, если назвать во всей войне «Орловско-Курской дугой», значит, ехать надо на Орел. А если назвать «Курская битва», то ехать надо на Курск»...

Вот и я посидел, посидел тут на станции разок-другой-третий и стал понимать, почему Ласточка свила гнездо себе в самом вокзале. Почему это летают туда-сюда, ласточки в открытые двери?

Новосильская Ласточка показывает Высоту, Красоту, пробуждает желание петь. А эта Ласточка смотрит на людей, видит, как они заходят в дверь и не закрывают ее даже в самые холодные дни. «Дай, - думает Ласточка, - я сама вслед за ними туда, в помещение, залечу. Может, что-то хорошее и мне достанется».

Залетела Ласточка в помещение, вслед за людьми, приехавшими автобусом к электричке, да так в помещении, ей тут понравилось, что решила она слепить себе под самым потолком гнездышко - Ласточкино гнездо.

В первый раз как приехал я этим летом сюда, так она только начинала лепить его, это гнездышко. Носила в клюве со слюной кусочки глины и приклеивала их, кусочек по кусочку, наверху - в уголке. Во второй раз приехал я, так она уж носила птенцам еду и совала им что-то в раскрытые клювики. В третий раз я попал сюда, когда вслед за Ласточкой уж влетал и вылетал в дверь ее первый птенец, остальные четыре черных головки еще оставались в гнезде. Раскрывали они свои молочные клювики при приближении мамы, чтобы получше покушать, побыстрее подрасти, чтобы и им, как и старшему братику, тоже летать вслед за мамкой раскрытую дверь.

А дверь то открывалась, то закрывалась. На одной половине ее было помещено объявление: «Граждане, не приобретшие билеты, категорически на перрон не допускаются». Но это вам не аэропорт, тут люди категорически шли на перрон и без билетов, сиделись

категорически на самые лучшие сиденья. Уже в вагоне им продавали билетки категорические билетеры, а категорические контролеры тут же проверяли у них категорические билеты, контролируя таким способом движение электрички. А у таких пассажиров, как я, ехавших «вечерней лошастью», в голове возникали такие слова:

«Опять сбежала подлая Луна,
Как с ревизором утром электричка».

Ласточка подлетела к пассажирам, прибывшим автобусом из города к электричке, и, опустившись пониже, прощебетала своим птичьим, тонюсеньким, ласковым голосом:

- Граждане! Почаще входите в вокзал, приобретая билетки.

И, когда кто-нибудь откликнулся на ее призыв, Ласточка тут же влетала следом в раскрытую дверь и кормила из клюва под потолком своих ребятишек.

Через какое-то время с двери сняли прежнее объявление и повесили новое: «Граждане! Кассир работает по сокращенному графику, теперь только по два часа в день». Ласточка не умела читать и потому не знала, что это объявление еще более категорическое, чем все прежние.

Вскоре кассу и вовсе прихлопнули. Взлеталась, взмыкалась Ласточка: «Как же быть? Как хоть вызволить оттуда моих ребятишек? Тоже ведь скоро будут летать, как и я сама, в черно-белом изображении». Кто-то из пассажиров посоветовал Ласточке написать, кому следует, заявление.

- А кому? - спросила она.

- В Муниципалитет, - сказал ей один пассажир.

- Нет, это железная дорога, - возразил ему другой пассажир. - Значит, надо писать железнодорожному начальству. Это - в Орел.

- Нет, — возразил тогда ему уже первый пассажир. - Это если по грузовым перевозкам - в Орел, а по пассажирским - в Курск.

- Да мне-то что? - прощебетала, послушав их пререканья, погрузневшая Ласточка. - Все равно я писать не умею. Как же я напишу заявление?

- Видишь, какая ты, - огорчились оба первых пассажира, а последующие пассажиры поморщились в недоумении: - Нехорошо это. Как это не уметь ни читать, ни писать? Надо в школу ходить; учиться, к чему-то стремиться. А школа тут где-то поблизости. Там дверь для таких, как Ласточка, пока что не закрывается. Принимают всех и по устному заявлению.

— Спасибо за стихи, ха-ха и хи-хи, - щебетнула Ласточка и не стала больше вить круги над головой железнодорожного начальства, а полетела собирать своих птенцов, достигших совершеннолетнего возраста, чтобы отправить их в специальную школу-специнтернат. Строил ее тут поблизости Муниципалитет. Для всяческих певческих и непевческих птиц, чтобы они сами могли писать в будущем слова к своим песням.

СИНИЧКА В ВАГОНЕ

Синичка хотела пролететь сквозь вагон: стремительно влететь в одно окно и так же стремительно вылететь в другое. Но электричка тронулась, вагон сдвинулся, и Синичка, не попав в окно напротив, так и осталась в вагоне. Пассажиры поначалу обрадовались неожиданной гостье, а затем стал жалеть ее, считая один за другим быстрые километры, отделяющие синичку от ее малой родины

Однако сама Синичка и не думала горевать. Усевшись на чей-то рюкзак, запихнутый на верхнюю полку, она наклонялась вниз, вертела своей темно-синей головкой, с любопытством разглядывала пассажиров

Была вторая половина воскресенья, после обеда пассажиров по электричкам всегда бывает больше, чем утром. В Орел возвращались, в основном областные студенты и муниципальные школьники, ехавшие на экзамены по ЕГЭ в свои региональные государственные и частные университеты.

Как раз под Синичкой сидели трое: мужчин средних лет, жена его чуть помоложе и

сын их лет десяти - бледный, с тонкими чертами лица Он был больше похож на мать, таких обычно называют «маменькиными сыночками».

- Глянь-ка, — подтолкнул сынок маму под локоток. - Синичка! Она хочет что-то сказать. Интересно, что она о нас думает? Мамочка, это городская синичка. Смотри, какие черные бусинки ее живых, острых глаз.

- Ты так считаешь, Вениамин? - переглянув с мужем Вениаминова мама — крупная женщина, в маленькой фуражечке с большим мужским козырьком. - Синичка эта прилетела с полей, это деревенская синичка. Прежде чем попасть сюда, она жила где-то в поле.

- Наверно, это синичка Гаечка, - высказал своё мнение папа - мужчина без особых примет. Слегка курносый в своей пестрой, тоже летней фуражечке и оттого больше похожий на попугая.

- Какая же это Гаечка? - возразил мальчик со столь внушительным именем - Вениамин, - Гаечка - птичка махонькая, а это синичка крупная, перья, глядите, с синим отливом... У меня есть определитель птиц, это городская синичка...

Синичка вслушивалась в их разговор и думала: «Почему они называют меня городской? Я ведь просто синичка - ни городская, ни деревенская».

И, как бы поняв ее, студент, сидевший по другую сторону того же сиденья, сказал своей подруге:

- Я таковский, я сяковский,
Я московский и смоленский.
Я - Михайло Исаковский,
Городской и деревенский.

- А ты - Витамин, Витамин, Витамин! - зашебетала, захлопала Синичка своими взъерошенными крылышками на маменькина сыночка, имевшего лома определитель животного мира. - Мы, птицы, в первом томе... в первом томе... в первом...

Проехали еще четыре остановки. И тут в вагон, с двух сторон, вошли билетеры, с новенькими машинками в руках, определяющими место и дальность поездки.

- Мариелла! - сказал студент своей подруге. - Скажи, что мы только что сели, на предыдущей остановке.

Мариелла так и сделала. Достала сумочку, вытащила две монетки - по одной за каждого. Городская синичка, свесившись вниз, с верхней полки, пять раз хлопнула крылышками и, как попугай, что сидел на плече капитана Флинта, закричала на весь вагон:

- Пиастры, пиастры, пиастры! Два дублона и четыре луидора!
Ревизоры удивились и сказали один другому;
- Скворец говорящий, что ли, у нас тут завелся

И, когда ревизоры прошли по вагону дальше, студентка, подтолкнув друга, засмеялась нервно, тронув пальцами справа у себя мочку ушей:

- Для милого друга хоть сережку из ушка. Где это ты, Сережа, чревовещанию научился?

А Синичка сидела и слушала. И все запоминала. Билетеры-ревизоры со своими новенькими штучками прошли по вагону один раз, потом прошли по вагону второй раз, а после третьего раза сели на сиденье, поближе к двери. Городская синичка перелетела к ним туда, села на другой - тоже скорее всего, - студенческий рюкзачок, и что она слышит?

- Зайцами едут, - говорит один билетер другому.
- Зайчики.

И ни слова про нее - про саму Синичку-то. Про то, что и она безбилетная. Как будто их много летает тут, всяких синичек. Как будто вагоны электричек только и делают, что возят безбилетных синичек.

Потом одна билетерша сказала своему другу, тоже билетеру:

- Я набрала себе денег на две полочки.

- А я, - похвалился ей билетер-ревизор, - аж на все девять.

На другое утро эту зеленую электричку перевели к северу от Орла: на Тульское направление. А потом отправили еще дальше: ездить до самой Москвы. Пассажиры входят в вагон и выходят, а Синичка в вагоне все едет и едет. Полетает маленько, присядет где-нибудь на сумку или на рюкзак, свесит вниз свою темно-синюю головенку, хлопнет пять раз крыльями и скажет, как скворец или, скорее, как попугай, бывало, на плече капитана Флинта:

- Зайцы, зайцы, зайчики вы мои! Два дублона и три получки.

И пассажиры четко знают теперь, заходя в вагон с двух сторон, вдвоем, по парам, что в вагоне едут безбилетники. И еще Синичка знает про тех, что с машинками и с большими карманами, что те четко собирают все вместе себе не только на тринадцатую зарплату, но и на новый железнодорожный вагон специально для безбилетных синичек.

СТАРИЧОК СЕН-БЕРНАР

Соседи наши живут через два дома от нас на третий. Свой отпуск они проводят обычно тут, в Малом городе. Отсюда они родом, сюда на лето и возвращаются. А на зиму всей семьей едут обратно к себе туда, на «севера». В свою Воркуту, в свою долгую-долгую полярную ночь. В знаменитую пургу, когда ходят все по канату, протянутому вдоль улицы, чтобы не унесло человека в тундру

Неля Стефановна - учительница математики в школе, а Николай Викторович - главный инженер угольной шахты. У них трое детей, и все сыновья. И у каждого, представьте себе, имеется по собаке. Это, чтобы ребята не хандрили, собачки им нужны, это что-то вроде северного сияния, без которого не обойтись.

У среднего сына и младшего — просто собачки: то таксу какую-нибудь заведут, то фокстерьера. Когда делаешь пересадку в Москве, можно такую собачку и в сумку сунуть, чтобы охранные службы не докучали. А вот у старшего сына собака огромная, с тельца. И с медалями, породы Сен-Бернар. Завезена из Швейцарии, где она в буран на заснеженных перевалах, говорят, спасает людей. Посылают Сен-Бернара во тьму неизвестности, он находит заблудившегося там человека и приносит его на спине к какому-нибудь жилью.

Такую собаку в сумку не спрячешь, просто так по вокзалам не потаскаешь, но тут медали вручают. Скажешь представителю, мол, с выставки едем - со Всероссийской в Москве, а то и из самой Швейцарии, и водишь собаку потом по вокзалу всюду на поводке. Видите, чемпион, за породу и собачью верность, за смекалку необыкновенную отмечен наградами. Так и ездили, возили они с собой собак в поездах, пока старший сын не поступил в офицерское училище.

И что теперь, изволите, делать с его Сен-Бернаром? Этим заслуженным спасателем республики Коми, в частности, Воркуты? А тут еще указ подъявился главного санитарного врача всей страны - О'Нищенки, что ли? Не перевозить диких и прочих экзотических животных ни туда на Север, ни оттуда с Севера. Ни самолетами, ни железнодорожным транспортом, а только автомобилями. А в Воркуту, как известно, автомобильной дороги нет, автобусами по той зоне люди не ездят.

В общем, не пустили в этот раз Сен-Бернара в вагон, а билеты-то на руках, ехать надо. Передали кому-то на станции, отвезите, мол, собаку в Малый город - обратно домой, к бабушке. Повесили хозяева все пять собачьих медалей Сен-Бернару на шею, сели в проходящий поезд и укатили к себе в Воркуту. А Сен-Бернар старшего сына, что поступил в офицерскую школу, так тут на вокзале со своим ошейником и остался.

Старичок уже Сен-Бернар этот. Кроме верности и смекалки, так за жизнь свою собачью ничего и не накопил. Ходит теперь этот Бернарище по вокзалу, брякает своими медалями. Подходит к каждому ждущему своего поезда, уткнется в колени, подымет глаза вверх, смотрит человеческими глазами. Все понимает, сказать только не может, что он думает о судьбе своей родины, о себе как о человеке, обо всем человечестве.

- Шарик, - достанет из сумки батон с изюмом старушка, отломит половинку и кормит

собаку прямо из рук.

Подберет Сен-Бернар с полу перед старушкой все до крошечки. Отойдет на шаг, виляя хвостом, вздохнет тяжело и приляжет рядом. Это в знак благодарности.

- Интеллигент какой, - скажет кто-нибудь из соседей, тоже из ждущих тут на вокзале своей оказии, чтобы куда-нибудь ехать.

А кому жалко куска Сен-Бернару, себе мало или просто лень сумку раскрыть, так на того Сен-Бернар все равно не обидится. Постоит-постоит, повилает хвостом, дождется, пока поглядят его по голове, потреплют по огромным, обвислым ушами, да и отойдет своей шаткой, валкой походкой в сторону. Приляжет у ног ребятенка.

- Старичком уже сторож наш стал, - смотрит него вежливо кассирша сквозь зарешеченное

оконце своей билетной кассы. - Прямо как человек, такой аккуратист.

И оставляет старичка Сен-Бернара ночевать в теплом, натопленном помещении. Добрая эта бабушка в окошке, не выгоняет пса наружу, где уже холод собачий, метет по железной дороге неистовая пурга.

А на днях Начальник дистанции издал указ о переходе кассы на работу только в дневном режиме. Теперь даже пассажиры, приехав к своему поезду, не в вокзале, а в автобусе вместе с водителем коротают времечко, в ожидании электрички. Старичок Сен-Бернар подойдет к автобусу, гавкнет два раза проваленным, глуховатым таким, простуженным голосом, водитель otvorит ему дверь, впустит его внутрь и скажет молодым, энергичным голосом:

- Все ждешь, дед, своих из Воркуты? Не дождешься, видать. Ветеран! Завтра отвезу тебя в город, сдам в милицию или в отдел социального обеспечения: бесприютный, мол...

- В школу надо его, - скажет какая-нибудь сердобольная бабушка - пассажирка дальнего следования.

- Пока тут он не ожесточился, - вздохнет соседка ее. - Пусть охраняет деток. Детей он особенно любит. Первыми встречает и провожает с вокзала пассажиров с детьми. Деликатная такая собака, аккуратная, офицерская выучка. Сен-Бернар называется

СТРАУС СЕНЯ

Помню, задумал я город Орел зафотографировать, Снять его во всех видах и положениях. А нет, кажется, лучшего вида, чем Стрелка у впадения реки Ош лика в Оку-реку. Отмечаться будет 450-летие Орла, надо на Орлике запечатлеть Белого Лебедя вместе с Белой Лебедушкой. И что интересно, Лебедята - девочки за Лебедушкой-мамой сами плавают, а Лебедят-мальчиков Лебедь-папа на спине у себя катает.

К самому берегу не подобраться, железная решетка протянута в рост человека, чтобы всякая тварь мир животных не беспокоила. Значит, надо иметь разрешение. Пошел я за разрешением в контору тут недалеко, в центре детского парка «Аквариум». Начальница разрешила сразу, без всякой волокиты.

- Вот, - говорит она, - специалист у нас по водоплавающим. Это Семен Николаевич Водопьянов. У него ключи, он вам дверь и откроет.

Ведет меня Семен Николаевич, совершенно трезвый, к металлической ограде, открывает дверцу своим серебряным ключом. Прежде мы должны проходить мимо страуса, Сеней его зовут. А Сеня нас просто так к лебедям не пропускает. Положит голову на плечо Семену Николаевичу, смотрит веселыми бусинками глаз, клювом туда-сюда водит и сверху вниз свой клюв открывает.

- Ах, да, - улыбается Семен Николаевич, раскрывая тоже рот свой, как в страусиной улыбке. - Вот вам, - достает Водопьянов пряник из другого кармана и дает мне. - Суньте в клюв ему, обалдую, не то не пропустит.

Я кладу глазированный пряник страусу прямо в рот, и пряник мгновенно проваливается в страусиную утробу,

- Прямо-таки Гаргантюа и Пантагрюэль, - говорю я специалисту по водоплавающим, показывая свое специфическое сближение с миром животных. - Сеня? Сеня Страус? Штраус... Зовите его Композитор...

- Нет, - качает головой Водопьянов. - Он на Сеню у нас откликается. Года два тому, как привезен со степной Украины, из питомника «Аскания Нова». А яйца туда им, в Асканию, привозят из Африки. Там страусы, говорят, бегают по пустыне со скоростью автомобиля... до шестидесяти километров в час, как такси... Вот ножицей такой, говорят, может свалить и быка...

Водопьянов мне рассказывал бы еще и еще про своего любимца, но, приняв еду из моих рук, Сеня уже потерял ко мне интерес. Он отошел в сторону, Можно было проходить к лебедям-подопечным Водопьянова, специалиста по водоплавающим...

И вовсе не белые лебеди остались в голове у меня тогда, от того случая, а этот вот Композитор. Такое удивительное музыкальное слово звучит душе моей после того: «Штраус».

Да едва не забыл: лебедей-то я снял на фото! Вот только войдет ли тот снимок в книгу, не знаю! Да и выйдет ли сама книга к 450-летию Орла! Много воды в это время может утечь. Но это вопрос уже не ко мне, а к потомкам. Жалко только, Страуса Сеню я вчера не сфотографировал, а сегодня его уже нет. Куда-то делся: как и мэр горя да. Но так и стоят, они оба передо мной: Семен Николаевич и Страус Сеня - тезка Водопьянова. Так и держатся оба в памяти, как что-то необыкновенное: птичье и в то же время человеческой Композитор Штраус и Семен Водопьянов - специалист по водоплавающим, раскрытый клюв Сени - страуса у Водопьянова на его широком, человечьем, добром плече. А генерала все забыли уже через неделю.

«ВОРОБЬИНАЯ» НОЧЬ

«Воробьиной» зовут в наших краях июньскую ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое число. Почему так? А потому что она в году самая короткая, словно хвостик у воробья. Говорят, 24 июня - День рождения мой, день! А ведь родился я ночью, в «воробьиною» ночь. Но я лично «воробьиною» ночь считаю попозже, в июле. Особо после такого вот случая. В 2010 году тут у нас в наших краях была жара, жарынь, просто засуха. А этот июль не лучше того. Тоже жара, тоже невесть что творится. Никакие приметы не сходятся, концы с концами не сводятся. Одно постоянно: как была ночь «воробьиной», с воробьиный хвостик, так и осталась такой же короткой. Не успеешь глазом моргнуть, голову положить на подушку, как вот уже и светает, утренняя заря занимается, Солнце встает из-за соседних лип.

«Липа вековая
За рекой шумит
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Этот звон кандальный
Давно прошлых дней
Пробудил, что было
В памяти моей.

Пробудил тот звон в душе моей далекие воспоминания: детство, самые длинные в году - декабрьские ночи, самые короткие, июньские дни. Но ни у кого язык не поворачивается назвать те короткие декабрьские дни «воробьиными», с воробьиный хвостик. А зовут декабрьские ночи каким-то «воронковыми», аспидно-черными. «Воронки» тогда мотались ночами, и исчезали люди.

А эти ночи вот - «во - робь - и - ные». В самом деле короткие, с воробьиный хвостик. За ночь не успеет земля охолониться, выпасть под утро роса, как вот она - опять жара, опять сушь. Да еще с выкрутасами: приметы на дождь, а дождя нет. Показание на урожай, а плети

огурешные сохнут. Только «колороды» и обожают такое пекло.

Но за бочкой под яблоней, в моем гефсиманском саду, я зорко слежу. Чтобы бочка всегда была полна, чтобы любимцы мои - молодые саженцы и огород, а в огороде лук, капуста не знали жажды.

Я в деревне живу,
Я - Дерсу Узала,
Для меня все растения - люди.

Но заметил я, что-то наш Кот Васька больно часто ходит на огород. Полежит, полежит, поваляется между грядками лапами вверх и к бочке с водой прилаживается. Думаю, может, от Солнца прячется под кустом ли, в тени ли под бабушкиной яблоней? Слежу я за соседскими котами, а по боярышнику да по вишняку, вижу, расселись воробьи, и еще сидят по веткам вокруг бочки. То невеселые, то чуть навеселе. Наблюдают за мной и за Котом Васькой. Когда мы поблизости, они тихие, нахохлятся, вроде как невеселые. А как только мы с Васькой уйдем куда-либо, так обсядут железный краешек бочки с водой и пьют, плавают, утоляют жажду. А потов давай развлекаться, обливать друг друга живительной влаги, а то в воде чебурахтаться. А после сидят на кустах втихаря, как святые и непременно веселые. А потом улетят еще куда-нибудь на промысел и долго не показываются. Наверно, советуются где то там со своим руководством.

«Дай, - думаю, - понаблюдаю, что без меня тут в естественной природе, будет твориться! Без человеческого вмешательства». Как наш Кот Васька справляется со своими обязанностями? А то мы дома на него: умный, цивилизованный, храбрый, наш домовый, действует от имени ДСО (Дом-Сад-Огород), усадьбу от соседских котов защищает. А он и перед воробьями-то, может, дурак дураком. Потерял, возможно, за зиму там, в Орле, в городской квартире, все свои охотничьи навыки.

Стою я за стволом груши и, как в подзорную трубу, наблюдаю за бочкой. Ну и, конечно, за зеленой такой, тeneватой местностью вокруг - всю из кустов смородины, мощных листов хрена, глухой полыни и лопухов. Вижу, как белая спина Васьки с черным пятном посередине (он у нас почти альбинос), извиваясь между зарослей, крадется, тянется к бочке. А воробьи сидят по краешку бочки, пьют, барахтаются, обливают друг друга водой, совсем как люди на Ильин день.

А Кот Васька крадется, аж звенит весь внутри самого себя, натянут, как тетива. Кот - охотник.

Вышли раз на дело
Я и Рабинович.

А потом Кот Васька прыг на бочку и потащил Рабиновича по траве. Сел, положил лапу на голову воробья, огляделся, как бы кто-нибудь у него не отнял добычу. Ну, кто-либо из соперников, из соседских котов. И тут, как я понял, наш Кот Васька, фактически действуя правильно, допустил стратегическую ошибку. Не учел, что воробьи тоже кое-что по-своему «шпрехают». Особенно сейчас, когда на их стороне еще и «воробьиные» ночи. Хвост-то короткий у воробья, умишко тоже короткий, а если собрать все цвета вместе, то получится дневной свет, что тебе человеческий Разум. А вернее, нечто длинное - длинное. Коллективное бессознательное, инстинкт самосохранения, «воробьиная стайка», в общем, кто и как это все называет.

Посовещавшись, воробьи там у себя, на боярышниковом кусте, взерошились, наострили сердце мужеством да как бросятся всей стайкой вниз. Давай Ваську трепать, кто клювом долбит, кто крылом хлопывает, чирикают, вопят что есть мочи «Караул!.. Разбой!..» Как будто пираты напали на корабль-сухогруз где-нибудь у берегов Сомали. Ну, что у Сейшельских островов. А ведь наш Кот Васька не пират какой-нибудь. Настоящий пират у соседей, соперник Васькин. Соседи его дома так и кличут: «Пират! Пират!» А наш Васька — европеец, независимый кот. «Но только не от инстинктов идет он у нас, а инстинкт у всех котов все же на первом месте, — думаю я. - Это я так думаю, но, понаблюдав, теперь заявляю: «Это у него, извини - тоже инстинкт, но инстинкт охотника!»»

В общем, воробьи как с неба свалились на Кота Ваську - туча черная, и давай трепать, терзать Кота Ваську. И тут дождь, наконец, пошел. И тогда у Кота Васьки проявился другой инстинкт, как и у воробьев: инстинкт самосохранения. Но у воробьев он подкреплён ещё и «коллективным бессознательным», а Коту Ваське нечем его подкреплять, Васька ведь в ссоре со всеми котами по улице, только с кошками и дружит. Оставил Кот Васька добычу свою и тикать домой, пока жив.

Облепили взъерошенные воробьи боярышник. Расхрабрились, и ещё к ним на подмогу подлетел ихний воробьиный «спецназ». Посовещались они все вместе и давай в бочке опять чебурахтаться, хохотать над котами, над всеми котами на свете, упиваться своей победой...

Кот Васька ходит к бочке теперь только ночью, когда воробьи спят. Только ночи у нас тут короткие - «воробьиными» называются. Не успеешь глазом моргнуть, как пора вставать, подыматься с постели. Встанет Кот Васька чуть свет и сразу же к бочке с водой. Делает вид, что идет на охоту охотиться надо ему за воробьями. Ползет кот - котище, прижимается к земле. Но не знает, что за ним соседские коты наблюдают. Сидят, облизываются, глазки узкие - стрелки, глазки масляные, - такие-то они тут у нас бывают коты-котофеичи в эту короткую, самую короткую, «воробьиную» ночь.

ТЫКВА НА ЯБЛОНЬКЕ

Решили мы сделать у себя на огороде «зеленый конвейер»: посеять салаты всякие, укропы - простой и кустистый, петрушку и лучок, конечно, любимец мой, — разновременный, чтобы он, зеленоперый, до самой осени рос, не кончался. А ещё посеяли морковь, столовую свеклу. Да ведь жара какая! Ничего не возшло. Посеял я во второй, в третий раз. И вот, наконец, упала с неба божья благодать: дождичок - огурешничек, и все стало разом всходить, что и когда посеяно было тут в разное время. Все расти бросилось, и все перепуталось...

Нелепо так, разновысоко все. А что говорить о бурьяне? Бурьяну жара ни по чем: у него корни влагу тянут из нижних слоев. А что до культурных растений, скажем, таких, как тыква и кабачки так плети у них стали длинными, тонкими, как у какой-нибудь повилики. И огурцы, особенно китайские «жароустойчивые», купленные в расчете на предстоящую жару, так те ещё в мае расти вдруг взялись.

Душа болит, а сердце тает. То от того, то от сего, от всякого. Жара такая, что по стране пошли лесные пожары. Горят поселки, жилые дома, люди остаются без крова. И вдруг нагрянули холода. Откуда-то взялся прямо-таки арктический холод. Хотя по телевизору сказали, даже в Оймяконе — столице якутского холода, где зимой бывает до минус 70, сейчас едва доходит до плюс 25. А у нас тут всего плюс 8-12. И это в разгар лета, да ещё после почти сорокаградусной жары.

И дожди пошли холодные. Грозы в небе забушевали. Крышу мы как раз красили, недокрасили, так решили обождать. А ветры как осенние, насквозь прямо-таки прошивают. Есть ещё время до Покрова. Бывало, под Орлом, в Малой Куликовке, в это время всероссийские соревнования проходили. А планеры летают в июле-месяце, когда - это обычно чистое, синее-синее небо. Так, по крайней мере, бывало, во все последние годы.

- Заметил, парень? - говорю я сыну. - Как все на огороде поперло? Особенно тыквы и кабачки. Такими длинными стали плети. Поналезали на картошку, на свеклу. Вверх пошли, по лугу распространились, выбрались из границ огорода и толку-то: цветут, а все пустоцветы...

- Это мы, папа, - высказал свое мнение сын мой, - густовато их посадили. Особенно тыкву...!. Вот как разбушевались, подгоняют друг друга.

- Вовремя не прорвали, - сказал я. - Вот и мешают друг другу.

- Жара была, - сказал сын. - С запасом дели лось. Вдруг да что-нибудь пожелтеет. А оно стало расти. Да все в длину, все в пустой след... Штук десять-пятнадцать возшло на весь

огород, а делают весь урожай, остальные у них на шее сидят...

- Халтурят ребята, - кивнул я на кабачки.

- До середины кучи плети дошли, - заметил он. - Сушняк закрыли. Какая огромная зеленая масса! Вся в кабачковых и тыквенных листьях.

- Красиво, - улыбнулся я, несогласный с огородной стихией, и смолк.

С неделю не заходил туда, за эту красивую кучу сушняка, с обратной ее стороны. Издали поглядывал на саженцы, особенно на яровую антоновку, больше всех пострадавшую от жары (мы от тли ее даже поливали, лечили). Все она была какая-то темная, сохли листья по краешку. Ничего с лечением не получалось, но мы все же надеялись.

И вот закончились арктические холода, зарядившие на неделю дожди, наконец-то глянуло Солнце. И сразу стало тепло и радостно. Любовь тут же проснулась снова в душах людей и к растениям, и друг к другу, и даже к тем странам, где воюют сейчас, например, в Сирии, Ливии и Палестине, где с давних пор Гроб Господний, Вера Христова связаны, кроме всего, еще и с погодой, а погода - с Солнцем, как с Богом всей нашей Вселенной.

И тут с утра бежит сын с огорода кричит:

- Гляди, отец! Чудо какое!

Спешу, тороплюсь я на огород и не верю глазам своим; с молодой яблони, с нижней ветки ее, свисает огромное, желтое такое, спелое - переспелое яблоко. Как утреннее, уже налитое светом, но только удивительно малое Солнце. Подошел я поближе, а это тыква. Взобралась своим длинным, тонким плетнем на ствол яблоньки. За эти деньки, что ли, вызрела, как глянуло Солнце? Чудо великое - Солнце, когда оно светит. Прямо праздник, радостно глазу.

- Это яблонька дала тыкве себя поддержать, - засмеялся Игорь. - Силу ей придала. Кашу скоро сварим из тыквы, хороша будет каша!

Хороша бекеша у Гоголя, - подмигнул я сыну и стал читать стихи, которые понравились Садовскому Виктору на презентации, а сейчас пришли мне на память:

- Ты молодой, - сказал Старик соседу. –

Но вижу, брат, умен не по годам.

Сажай сады, да вовремя, чтоб следом

Свой плод насущный мог отведать сам.

Книга третья

МИША КНОПОЧКИН С ТРУБОЧКОЙ

Рассказы
для детей
из 21-го века

БАБУШКИН ПРАЗДНИК

Бабушке Рае стукнуло целых полвека. Все вокруг раскричались: «Юбилей, юбилей! Надо это отметить!» И вот домой к ней пришли ее сын и дочь. И привезли с собой к бабушке Рае своих детей: два внука и три внучки. Это почти целый класс у бабушки в ее деревенской школе.

Бабушка Рая с дочерью стали расставлять на столе посуду, всякую еду, приготовленную вчера. И внучки кинулись помогать. А бабушкин сын принялся жарить на мангале привезенное из города мясо, готовить шашлык. И один внук тоже стал ему помогать,

а другой - Миша - стоял в сторонке и не знал, что ему делать со своей спичечной коробочкой.

Тут все принялись дарить подарки бабушке Рае. Миша с интересом наблюдал за всем этим. Одна внучка вручила бабушке кошелечек, вышитый бисером собственными руками. Другая внучка сама нарисовала картину про бабушкину корову. Третья внучка привезла с мамой из города торт.

- А ты что подаришь бабушке? - спросили старшего внука, который с отцом жарил шашлык

- Да вот мы с папой тут... подарим бабушке шашлычок, - сказал этот внук. - Я тоже еще с вечера заквашивал с папой мясо в ведре. Полночи спал, волновался...

- А ты, Миша? - спросили младшего внука, - Что ты приготовил бабушке Рае?

Маленький Миша вышел вперед, поцеловал свою добрую бабушку в щечку и подал в руки спичечный коробок.

- И что там в нем, Миша? - удивились взрослые.

- Подарок-то ма-а-ленький такой, малозначительный. А ну покажи: что там в твоей коробочке?

И самая живая из девочек тут же открыла коробочку и заглянула вовнутрь.

- Ой! - закричала она. - Ой-ой-ой! Это жук колорадский!.. Он подарил ей жука, который вредит всем... бррр... картошку ест на огороде...

И все, даже взрослые, бросились смотреть коробочку.

- А ну-ну! Покажите... Ой, какой полосатый, противный! — раскричались, запрыгали дети. - В чем ты его принес? Вышвырни вон... вон да...

Бабушка Рая наклонилась к Мише и тоже спросила:

- Ты где его взял, внучек? На нашем огороде?

- Я взял его на огороде у бабушки Веры, - сказал Миша с дрожью в голосе. — Смотри, бабушка, какой он маленький... самый маленький... и все его травят, все против него... А он такой тихий, мне жалко его. Я на его стороне...

Бабушка Рая, которая утром была на огороде, опрыскивала там у себя картошку, наклонилась к Мише, погладила его по головке, сказала добрым, ласковым голосом:

- Хороший подарок твой, внучек. Пусть пока поживет у нас. А завтра мы отнесем его...

- Кому? - закричали дети. - Бабушке Вере?

- Отнесем куда-нибудь в лес, - сказала внукам и внучкам бабушка Рая. - Туда, где не растет картошка, не живут люди. Где на него, дети, никто не будет показывать пальцем. С тобой вместе отнесем его, Мишенька, в лес, когда пойдем по грибы.

КНОПОЧКА В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Папа Мишин - бабушкин сын - собрался в гости к своей сестре и взял с собой Мишину маму и самого Мишу со старшим братом Виталиком, то есть Вениамином, но по паспорту - Валерием. Все они жили в городе. А у тетиного мужа б еще и младший брат. Вот ему тетин муж и сказал при всех, когда вся семья Мишиного папы пришла сюда в гости:

- Ты, Федя, погляди тут за ними, а то они бог знает, чего тут у нас натворят. А у меня на столе разложен доклад, завтра его показывать Губернатору...

Все взрослые сели за стол, и пошли у них всякие разговоры. А дети направились прямо в главную комнату, но их оттуда прогнали. Там ваза хрустальная и на видном месте японский сервиз. Федя ходил по пятам за Мишей, все старался не допустить его к книжным шкафам, чтобы не дай бог Миша не испортил какую-либо ценную книжку.

- Раритет! - поднял Федя перед носом Миши указательный палец.

- А что это такое? - удивился старший двоюродный брат Миши Валерий. - Доклад подразумевается, что ли, самому Губернатору?

- Много будешь знать, скоро состаришься, - заявил Федя и закрыл дверь в комнату,

где лежал на столе доклад.

От нечего делать Миша с двоюродным братом присели вдвоем на стульчик. В коридоре прямо за холодильником. Большой, липецкий, совместного с Италией производства - холодильник этот занимал все пространство. С морозилкой. Гордость семьи. Ребята сидели перед ним тихо-тихо, тише мышки. Федя, который был уж, наверное, студентом, посмотрел на них свысока, зевнул пару раз и отвалил к взрослым.

А братьям тут сделалось скучно. Особенно Мише. Кузен Виталик пошел в ванную комнату воду пить. Миша слез со стула, встал прямо перед холодильником, как перед человеком, перед его двумя зелеными глазами.

- Чего мучишься? - сказал Миша холодильнику с его зелеными глазами.

Потом взял и подставил стульчик поближе, залез на него, чтоб получше разглядеть те зеленые, человеческие глаза. И видит с близкого расстояния: кнопки, кнопки какие-то, кружочки... Нажал на кнопку, повернул кружочек...

После гостей муж родной тети Мишиной заметил, из-под холодильника течет ручеек, собралась уже целая лужа. Всполошились все, взбегались. Схватились за тряпку. Кинулись мастера вызывать.

Вот ей-богу! Не знаешь, что и подумать. Холодильник липецкий, совместно с Италией производства - новый, как часы работал, а ведь потек. Явился мастер, жена вытирала лужу, муж суетился возле мастера. Раздался телефонный звонок. Звонил Мишин папа:

- Посмотрите, работает ваш холодильник. Миша говорит, нажал у вас там на какую-то кнопку.

Мастер улыбнулся, сказал:

- Вот вам и вся поломка. Холодильник у вас работает. Надо только нажать сюда вот, на эту самую кнопку.

Теперь все зовут Мишу «Кнопочка». И, знают что у Миши особое внимание к технике. Получше приглядывайте за ним, когда Миша приходит вам в гости. И этот случай стал веселой историй в биографии Миши, которую в шутку люди просят иногда повторить.

КОТ ВАСЬКА ПРЯЧЕТСЯ В КОРОБКЕ

Теперь как только Миша Кнопочкин со своим папочкой и мамой придут к кому-либо в гости, там все хозяева навтыяжку стоят у своих холодильников. У всех розеток, дырочек, кнопочек, куда только что-либо втыкается и вытыкается, включается и выключается, чтобы не произошла какая-нибудь авария, какое-нибудь серьезное происшествие. Например, не взорвалась бы где-нибудь газовая плита или корабль где-нибудь не утонул. С маленькой дырочки все начинается, с кнопочки...

А Мише кнопочки эти теперь не интересны. У каждого холодильника, бумбокса, магнитофона торчит теперь по часовому. Как Бумбараша. Переключаться Миша стал на собак и котов, на мышей и кротов.

- Мама! - кричит он в другую комнату, где мама собирается опять в гости, но теперь к другой своей двоюродной сестре. - Мама! Скажи, почему кротов называют «потуроями»?

- Так называют, - отвечает мама, причесываясь и держа при этом шпильки во рту. — Ну, то по эту, а то поту сторону землю роют... кроты эти...

Пришли они с мамой к ее кухне, а у них детей нет, существует только Кот Васька. Культурный такой, говорят, обходительный.

Европеец! Любимец наш Кот.

Посмотрите, как важно идет.

Как хвостом сам с собою играет.

Миша только с порога и хватъ его за шкуру. Нашел старый уют и давай коту бок

гладить, потом сзади начал в него вилку втыкать, как в розетку. У маминой двоюродной сестры Клавдии Петровны аж глаза на лоб полезли.

- Да ты что, Миша! Это ведь живое существо. Ему больно, даже страшно... Это тебе не патефон, не проигрыватель «Вега», даже не радиоприемник «Беларусь»...

- Старье какое, - ворчит Мишина мама. - Рухлядь всякая... Грамофон бы еще сохранила. С пластинками Анастасии Вяльцевой...

Пока сестры выясняют между собой отношения, Миша шмыг мимо них и следом за Котом Васькой. Да за хвост его и давай возить, словно электровоз.

- Ты куда, Васька?! - кричит Миша коту, словно вагону. - В холодильник надо тебя? В телевизор? Туда вагоны не помещаются... Ладно, давай-ка лучше играть со мной в оловянных солдатиков.

- Где он видит оловянных солдатиков? - насторожилась Мишина мама, глядя на свою кузину. - Откуда они тут взялись-то хоть? Кто ими тут тебя занимается, этими солдатиками?

От сыночка погибшего остались, - вздохнула мамина двоюродная сестрица. - Заберите их на память, что ли, да хоть сейчас... А где же наш кот, мадам? Миша, куда делся наш кот? Миша, где он, ты не видел кота?

- Не видел, - говорит Миша. - Он, наверное, в телевизоре.

- В телевизор запихал? - всплескивает руками мамина двоюродная кузина.

- А может быть, в стиральной машине? - еще веселее говорит сестрам Миша.

- Господи! Неужели ты в ней кота хотел постирать? - не выдерживает даже мама. - В конце концов, где же Кот Васька-то, где?

- Может в парикмахерскую пошел? - Миша смотрит на маму вовсе веселыми глазками.

- Зачем?

- Побриться надо коту, - смеется Миша. - У него же усы.

- Господи! Он его еще, наверное, и брил! - ахнула кузина мамина - хозяйка квартиры.

- Чем ты, Миша, брил его?

- Я не брил вашего кота, - говорит Миша уже можно спокойнее. - Я только за ногу его немножко дернул и за хвост потаскал. Потом взял и подцепил к нему вагоны, как к электровозу...

- Вот дураки-то мы с тобой, а? - всплеснула руками двоюродная кузина. - А если бы в окно пошел твой поезд с вагонами! Он бы все стекла мне переколотил...

- Зачем ты вагоны Мише дала играть? - упрекнула Мишина мама кузину.

Бросились сестры искать Кота Ваську по всей квартире. Может, он на балконе? Может, дверь оставили приоткрытой? Васька выскочил наружу, на лестничную площадку, а там и на улицу. Выбежали сестры во двор, спрашивают соседей: «Не видали нашего кота? Белый такой, с серым пятном на спине... Европейец, любимец наш кот!» Нигде нет его: ни наружи, ни дома в самой квартире. Так расстроились все, ну и Миша, конечно. Бегал Миша всюду вместе со всеми, едва не заплакал, когда взрослые прекратили всякие поиски. Решили повесить на столбе объявление.

Едва вернулись домой со двора, а Кот Васька уж тут как тут. Вышел из-под дивана, из своей тайной картонной коробки. Смело идет прямо в Мишины руки, ничего не боится. Миша к нему, кот назад, от него и обратно в свою коробку. И давай драть ее изнутри когтями, свой характер показывать...

На другой день мамина кузина пришла к ним домой, принесла своего Кота Ваську поиграть Мише. Так Кот Васька у Миши тут и остался. В конце концов, и прижился.

Миша теперь за хвост его не таскает, вагоны за ним, как за электровозом, не возит. Играет с Васькой в оловянных солдатиков. Кот служит ему за генерала неприятельской армии. Отдает команды наступать, отступать. Миша бросает в Бородинский бой кавалерию, защищая свою страну, такая-то в доме теперь катавасия.

КАК МИША ОСВАИВАЛ ТЕЛЕФОН

До школы Мише еще далековато, но осень уже на носу. А Миша не знает пока ни одной буквочки. Не умеет ни читать, ни писать, ни даже считать. И наотрез отказывается заниматься. Хотя до десяти Миша по пальцам считать научился. Десять рублей - столько стоит мороженое «пломбир» в соседнем киоске. А Миша любит именно этот «пломбир», и, когда мама дает ему денег, Миша сам его покупает, сам и ест с преобладающим удовольствием.

И вот мама купила Мише разрезную азбуку, чтобы из разрезанных букв научился он составлять хотя бы слово «пломбир». Но Миша азбуку зашвырнул куда подальше, сосредоточился на старом мобильнике, который на днях сунул ему в руку папа.

Папа и стал всерьез учить Мишу работать с мобильником как с аппаратом. Положил папа свой красивый, нарядный мобильник рядом с Мишиным стареньким телефончиком, тыкает пальцем то в одну кнопочку, то в другую, то в третью:

- Вот так и вот так. А теперь гляди, что будет... и слушай сюда...

И тут же в Мишином телефончике раздается звонок, верещанье какое-то, музыка. Папа прикладывает Мишин мобильник к уху Мише.

- Слушай, - говорит он сыну. — Что сейчас слышишь в этой вот маленькой трубочке?

- Ничего не слышу, - ерзает Миша на своем тоже маленьком стульчике. - Нет ничего в трубочке, папа. Нет, никакого звука. Молчит твой аппарат. Госаппарат.

- А сейчас послушай, что будет, - говорит Мишин папа и выходит в другую комнату со своим телефоном.

Говорит папа что-то там, в другой комнате, а Миша опять ничего оттуда не слышит. Потом берет и приоткрывает дверь, кричит Мише оттуда:

- Слушай, слушай свой телефончик!

Миша сильнее прижимает к уху свой аппаратик и что слышит? Папин голос. Очень сильный, и знакомый, и радостный.

- Ты меня слышишь, Миша?.. Скажи что-нибудь... Скажи: слышу, слышу, папа, тебя... Повторяй за мной: «Европеец! Любимец, наш кот...»

- «Любимец наш кот» - кричит Миша в телефонную трубочку, и в ответ слышит в ней опять-таки папин голос.

ПАПА. Дальше, дальше говори про Кота Ваську.

МИША. «Посмотрите, как важно идет».

ПАПА. Дальше, дальше.

МИША. «Как хвостом сам с собою играет.

На плече посидит,

В телевизор глядит,

На столе у меня засыпает...»

Возвратился папа из другой комнаты, потрепал Мишу по щечке и говорит:

- Ну вот, первое крещение пройдено. Дело пойдет, будем теперь с тобой общаться по телефону.

Станешь начальником, отца-то не забывай. Когда уйду, уеду куда-нибудь в командировку, позвоню тебе, а ты возьмешь эту трубочку, приложит! к уху и услышишь мой голос. А я услышу твой голос, Миша. И станет нам с тобой хорошо... И мамин голос услышишь тоже. Если ты дашь ей, конечно, свою эту волшебную, совершенно чудесную трубочку. Дай только нажать ей на эту маленькую такую, зеленую кнопочку...

- Хорошая кнопочка, Миша?

- Хорошая кнопочка! - засмеялся радостный Миша. - Хорошая, папа. Ты всегда будешь близко, как будто со мной через стенку...

Папа кладет на стол Мишину трубочку мобильника и рядом с ней кладет свою трубочку мобильника.

- А теперь повторим, - говорит папа. - Нажимай, Миша, на эту вот кнопочку. Загорится свет как в окошке, запикает... Возьмешь в руки трубочку и, слушай сюда,

услышишь мой голос.

Мама сказала: чтоб научить Мишу звонить, куда хочешь, сначала надо научить Мишу цифрам. Иначе ничего не получится. Сама мама звонит ему отовсюду. Когда ему спать ложиться, когда Мише даже уже в постельке своей. Так интересно! В ответ Миша сообщает маме обо всем, что тут у него, когда она в магазине или в поликлинике, когда мама еще где-либо. Миша сразу включает свой телефончик и к уху сразу. Так все теперь во дворе и зовут Мишу - Мальчик с трубочкой.

- Алло, алло! - кричит он, радуясь, маме. - Я хочу чаще слышать тебя, твой голос, мама! Позвони мне еще! И еще... и еще...

Мама пришла из магазина и принесла Мише арбуз - астраханский! Нет, оказывается, наш - орловский. Какой-то дедушка сам вывел сорт. Вырастил, такой, кругленький, небольшой такой, зато красный изнутри, сладкий, хороший арбузик. Так это нравится Мише: есть арбуз дедушкин и в то же время разговаривать с мамой в соседней комнате, нажав в ответ маме на эту вот маленькую зеленую кнопочку.

- Мама, - просит Миша, - научи меня звонить. Сам хочу звонить. И папе, и твоей сестрице кузине - Петровне.

- Научу, научу - говорит ему в телефончике мама. - Научу звонить не только папе, кузине, но и многим, многим другим.

«Скоро в школу. За окнами август. От дождя потемнели кусты». - Это так поет мама на своей кухне. А папа сажает Мишу перед собой и говорит:

- Надо, братец, готовиться в школу. Цифры-то ты, голубчик, освоил. А вот разрезную «Азбуку» забросил и читать не учишься. Никуда не годится

- Будет наш Миша, скорее всего, инженером, - подает голос мама. - Будет Миша иметь дело с машинами. А не, как отец, с книжками.

- Что же, если дело иметь с машинами, — говорит Мишин папа, - Мише не надо книжки читать? В школу парню скоро идти. Купить надо школьные книжки. Завтра же пойду и куплю...

И тут раздается звонок в дверь. Приходит кузина мамина — Татьяна Петровна.

— Ну, как тут Кот Васька? Ничего? - оглядывает она помещение. - Вот что Мише я принесли - подает она Мише мобильный телефончик. - Настоящий, фирмы «Нокиа». Идет Миша осенью в школу, будет оттуда домой звонить.

С радостью Миша принимает подарок.

- И тебе буду звонить, — говорит он маминой сестрице двоюродной. - И тебе, Петровна.

Научили-таки Мишу звонить, самому пользоваться телефонной трубочкой. Целый месяц учили. Прицепили к Мишиному мобильнику длинный такой, специальный шнурок. И шнурок этот на шею Мише повесили. Несколько раз Миша выбегал во двор и звонил оттуда на домашний телефон.

И вздохнули Мишины папа и мама теперь облегченно. Посчитав, что Миша готов к школе.

- Прилично готов, - подтвердила мама. - Да, Миша?

- А читать книжки, - сказал Мишин папа, - его в школе научат. Кот Васька, например, в букваре уже свое имя читает.

КАК МИША ВОШЕЛ В ИНТЕРНЕТ

Пришел к Мише его брат двоюродный - кузен Витамин. Ну, которого по свидетельству о рождении зовут Валерианом. Лет на шесть старше Миши, а такой дока, на все руки мастер. Особенно по сотовым телефонам! Увидел у Миши его новенький, хороший такой мобильник — подарок маминой кузины. Тут же хватъ его левой рукой, а правой сдернул его с Мишиной шеи. И давай тьжать пальцем по всяким кнопкам, туда-сюда, без всякого разбору.

- Что ты делаешь? - испугался Миша. - Поломаешь, как я буду звонить маме?

- Чего бояться-то? - засмеялся Мишин кузен. - Я уже с таких лет, как ты, работаю на чужих аппаратах.

- Своего, что ли, не было? - насторожился Миша.

- Свой жалко, - сказал откровенно кузен Витамин. - На чужих и учатся.

И стал тыкать пальцем, туда-сюда, во всякие кнопки. Открывать и закрывать всякие программы, высвечивать цифры, слова на английском языке.

- «Гаджет», называется, - вошел в раж Витамин, - сейчас мы с тобой в Интернет войдем и будем в нем, как свои. Ходить будем по всем странам и континентам...

- Поломаешь! - взмолился Миша. - А ну, дай сюда, дай!

- Отец новый купит, - сказал Витамин - кузен. А этот выбросишь. Видал, сколько подержанных валяется по магазинам? Подержал и выкинул, понял?

- Не понял, - готов был расплакаться Миша. - Я хочу этот, другой мне не нужен.

- Ну, ладно, - согласился его двоюродный кузен. - У нас в Суворовском училище круговая порука. Пускают такой аппарат по кругу и сразу в несколько рук ходят по всем этим кнопкам... по всемирной паутине, понял?

- Круговая порука? - заинтересовался Миша. - И что это, Валера, такое? Так интересно.

- Вот! Тыкай пальцем сюда и сюда, вместе со мной. А когда что не так - отец ремень из штанов вынет...

- У меня дедушка в руки ремень не берет, - говорит Миша. - «Всемирная паутина»... так интересно...

- Вот сюда и сюда нажимай, - продолжает Витамин. - Что случится - скажешь, что это я поломал... А я скажу дома, что это ты поломал. И стоять до конца... Круговая порука...

- Нет, - замотал головой Миша. - Я в круговую поруку играть не хочу. Нечестно. Я хочу играть во «всемирную паутину»...

- Ну вот, - стоял на своем Витамин - Валерии, Мишин кузен, - «Всемирную паутину» тебе подавай, а Дуговую поруку тебе не надо. А во «всемирную паутину»... в Интернет этот... просто так не войдешь.

- Почему Интернет, что так называется? - удивился Миша. - Два названья - как имя и фамилия?

- Как вот я, - сказал Мишин двоюродный: Валерий - по свидетельству о рождении, а так все зовут меня Витамин.

- А-а, - сказал Миша. — А кто же я тогда?

- Ты - Миша, это ты по свидетельству о рождении, - сказал Витамин - Валерий. - А так во дворе тебя зовут Кнопочкин. Мальчик с трубочкой. Вот как!

И теперь уже вдвоем они занялись тем, что один Миша никогда бы не догадался: уйти куда-то далеко-далеко по лесенке из кнопочек, картинок в сотовом телефоне, которые увлекают их в эту «всемирную паутину» без конца и без края...

Пи-пи-пи... Пи-пи-пи... И голос чей-то мужской:

- Это Средиземное море. Пассажирский корабль «Атлантида». А это к вашим услугам я - писатель Владимир Крупин... Это Россия? Вы откуда - вы из России?..

И снова пи-пи-пи... пи-пи-пи... Голос пропал. Миша дернул за рукав Витамина:

- Почему голос пропал? Я не хочу, чтобы он пропадал.

- Чайка слопала, - сказал Витамин. - Пролетела мимо и слопала. Проглотила как муху.

- А корабль? А писателя Владимира Крупина?

- Этим что? - засмеялся двоюродный Мишин кузен Витамин. - Эти дальше идут своим курсом.

Это и называется Интернет, мы с тобой связались с «Атлантидой», попав во «всемирную паутину». До самого вечера ждал Миша свою бабушку. Все елось рассказать ей, как с Валерой они побывали сегодня в сказке. Чудо какое! Слышали они шум волн Средиземного моря, корабля «Атлантида» и голос какого-то Крупина, так не похожий папин.